





ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Приступая къ изданію нашего журнала, редакція заручилась согласіемъ многихъ почтенныхъ и солидныхъ литераторовъ, которые будутъ помѣщать свои статьи и замѣтки корреспонденціи всевозможнѣйшими новѣйшими и старѣйшими способами и средствами.

Нашъ журналъ будетъ выходить въ свѣтъ и печататься въ типографіи во всякое время дня и ночи, не взирая на состояніе погоды, настроеніе Вильгельма или здоровье Витте, не смотря на всяческія репрессіи бюрократовъ, на мирное или бурное настроеніе русскаго и нерусскаго общества, до тѣхъ поръ пока на свѣтѣ существуютъ бумажныя фабрики, читатели, писатели и другіе необходимые для журналовъ и газетъ элементы.

Редакція нашего журнала приметъ мѣры для того, чтобы быть интереснымъ читателямъ.

Редакція.

МЕРТВЫЯ ДУШИ

или похождения Павла Ивановича Чичикова — внука.

Поэма изъ жизни молодыхъ и старыхъ папуасовъ и готтен-
готовъ.

ГЛАВА ВСТУПИТЕЛЬНАЯ.

Отвратительная вещь — эта Петербургская осенняя погода.

Прямо нѣчто неприличное.

Сѣрая мгла на небѣ и въ воздухѣ, мелкій дождикъ, моросилка, потоки съ крышъ, лужи на тротуарахъ, лампы, зажженныя съ утра, невыспавшаяся прислуга, швейцаръ безъ крахмального воротничка, дикія завыванія уличныхъ торговцевъ во дворахъ, а главное, — вчерашній вечеръ, когда...

Да, было много непріятнаго вчера. И что всего досаднѣе — тутъ нельзя примѣнить никакихъ административныхъ мѣръ.

Вотъ, хотя-бы этому дождику, — приказать или предписать переселиться за черту осѣдлости. Или вонъ ту крикливую селедочницу выслать въ Якутскую губернію.

А то еще лучше приказать обывателямъ слизать съ тротуаровъ всѣ лужи въ 24 часа.

Впрочемъ, это все пустяки, а вотъ Ноздрева, который вчера обыгралъ меня въ Петровскомъ клубѣ... правда его били, но денегъ у него не нашли, такъ какъ Фетюнъ еще раньше увезъ ихъ на свою консперативную квартиру — вотъ его-бы въ порядкѣ чрезвычайной охраны арестовать, пытать, сгноить въ тюрьмѣ, потомъ выслать, потомъ казнить, потомъ... (С)

Павель Ивановичъ Чичиковъ, думая объ этомъ за-хлебывался отъ восторга и злости и неожиданно для самого себя вскочилъ съ кровати и сдѣлалъ въ воздухѣ легкій пируэтъ передъ большимъ трюмо, подареннымъ ему апраксинскимъ купцомъ Плюшкинымъ. У Плюшкина недавно арестовали сына.

— Въ официальной бумагѣ такъ сказано — „онъ по-дозрѣвался въ революціи“.

Плюшкинъ, — рече бросился туда и сюда и наконецъ умные люди направили его къ Павлу Ивановичу, на его частную квартиру.

Прочитавъ купцу, — сквалыгѣ нотацію за то, что дѣдъ Плюшкина плохо обошелся съ высокочтимымъ и глубокоуважаемымъ всею Россіей предкомъ Павла Ивановича, нашъ герой очень элегантно жестомъ указалъ на простѣнокъ въ спальнѣ и небрежно уронилъ: „Тысяча и здѣсь трюмо“.

Двѣ горячихъ слезы скатились съ глазъ старика.

— А подковы, а жестяныя коробочки, а сухари, которые копилъ мой добрый дѣдушка, создавшій благополучіе цѣлому роду — они уже теперь не въ чести; нынѣшнимъ подавай трюмо.

И плѣшивая голова, съ красными воспаленными глазками, съ сине-багровымъ носомъ, склонилась на жесткіе жилистые пальцы, — онъ задумался. Но черезъ минуту его возвратилъ къ дѣйствительности стальной голосъ Павла Ивановича.

— Двѣ тысячи, трюмо и золоченные канделябры!

Мертвая душа Плюшкина подъ вліяніемъ этого леденящаго спокойствія ожила и онъ, заикаясь, поспѣшили согласиться, причемъ торопливо твердилъ „да, да, конечно, завтра-же“, ибо видѣлъ, что еще минута и цѣна за живую душу его сына, мерзавца, какъ онъ его мысленно въ этотъ моментъ называлъ, возрастетъ неизмовѣрно...

— А этотъ пушистый коверъ! — и Павель Ивановичъ сдѣлалъ нѣсколько па по коврау.

Н О Ч Ь Ю.

Графъ Витте, на-дняхъ возвращаясь поздно ночью съ какого-то засѣданія вмѣстѣ съ государственнымъ контролеромъ Философовымъ и проходя мимо дома № 12, по Мойкѣ, гдѣ помѣщается охранное отдѣленіе,—обратилъ вниманіе на шумъ, происходившій въ этомъ домѣ.

Графъ со своимъ спутникомъ лично вошелъ внутрь и обнаружилъ большую типографію, въ которой въ этотъ моментъ печатались черносотенныя воззванія, которыя сами бюрократы, рассказывая про этотъ случай, называютъ „провокаторскими“.

„Новое Время“.

Порой туманной ночи
По стогнамъ Петрограда,
Во тьму вперяя очи,
Самъ-другъ идутъ два Лада.

Одинъ въ серебристой ткани
И въ мурмолкѣ червленой,
Другой въ премьера санѣ
Величьемъ упоенный.

Въ пути мечтали оба
Гдѣ-бъ радость имъ найти,
И посему рѣшили
Въ охранное пойти.

Пошли. Взобрались, видятъ:
Въ ходу гудитъ машина
И прокламацій кипы
Готовить въ мигъ единый.

Вчитались: черной сотней
Разить отъ нихъ безмѣрно,
Крамолу призываютъ
Уничтожать всемѣрно.

Не знающимъ дѣла
Министры притворились,
И сыщиковъ просили:
„Вы здѣсь чего трудились?“

„Причина—приказаніе“,
Лекоки отвѣчали:
„Народное сознаніе
Будить намъ приказали.

Сплошь не культурны массы...
Не всюду патріоты
Простой погромъ, наладить
Сумѣли... Идіоты!..“

— Славная бабенка, эта саратовская помѣщица Коробочка. Какая у нея фигура!.. Это сплошная истома, бездна сладострастія! Эти губки, такъ нагло улыбающіяся и сулящія нѣгу и счастье, эти крохотныя пухленькія ручки съ тремя складочками въ видѣ браслетовъ; ножки-крошки; шикарный бюстъ; дивно развитой торсъ...

Ахъ, обладать такой женщиной навѣрное не отказался бы и мой безпокойный патронъ. Какъ долго она сопротивлялась, сколько разъ бывала здѣсь.

Привезла, кромѣ ковра, брилліантовыя запонки, роскошный несессеръ, парижской работы, еще кое-какую мелочь,—но я былъ непреклоненъ.

— Вы,—говорилъ я ей—или ваша племянница, арестованная за чтеніемъ программы „кадетовъ“!

Она, наконецъ, рѣшилась и я весь вечеръ провелъ здѣсь съ нею въ той комнатѣ. Ушла она отъ меня въ слезахъ и потомъ точно въ воду канула.

Даже „я“ не могъ ее найти, не смотря на содѣйствіе своего патрона, который до сихъ поръ считаетъ Коробочку революціонеркою.

При воспоминаніи о патронѣ Чичиковъ снова пришелъ въ удрученное состояніе.

— За нимъ вчера присылали два раза вечеромъ и въ третій разъ ночью, а его все не было дома. Петрушка кромѣ того навѣрное что-нибудь перепуталъ...

— Ахъ, этотъ проклятый Ноздревъ!..

Павель Ивановичъ позвонилъ.

Внукъ Чичиковскаго Петрушки сошелъ неслышными шагами и остановился у порога. Съ юношескою граціею Павель Ивановичъ подлетѣлъ къ своему вѣрному слугѣ и, сдѣлавъ аллегорію изъ трехъ пальцевъ, необычнымъ визгливымъ голосомъ прокричалъ:

— Что, анархистъ, думаешь меня обмануть! Намазался моимъ же одеколономъ и предполагаешь, что неслышно запаха витки (Павель Ивановичъ, какъ чело-

вѣкъ партійный, никогда не говорилъ словъ: „сивуха“ или „водка“, а всегда „витка“).

— Говори, революціонеръ, что сказалъ посланный отъ его превосходительства?

— Пришелъ жандармъ,—началь меланхолически внукъ Петрушка,—и сказалъ: товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующій полиціей, генераль-губернаторъ... вотъ дальше титулы забылъ...

— Ну!

— Приказалъ Павлу Ивановичу явиться немедленно на ихъ квартиру, на Большую Морскую. Такъ говорилъ онъ три раза, а въ послѣдній разъ сказалъ, что генераль очень беспокоится, т. к. вѣроятно узнали о новомъ покушеніи и требуютъ васъ немедленно...

— Ахъ, опять эти покушенія!.. У, проклятый Ноздревъ!.. Давай скорѣе мнѣ одѣваться и вели Селифану заложить одиночку въ карету...

— Гы, гы, гы... Селифана нѣтъ...

— Опять у бабъ?.. О, проклятая наслѣдственность! Найми извозчика...

Въ передней прозвенѣлъ звонокъ.

— Капитанъ Копѣйкинъ!—доложилъ Петрушка.

— Не принимать!

Павель Ивановичъ еще не успѣлъ одѣться, какъ новый звонокъ, но болѣе мягкій, заставилъ его вздрогнуть.

— Еще кто?

— Изъ охраннаго отдѣленія...

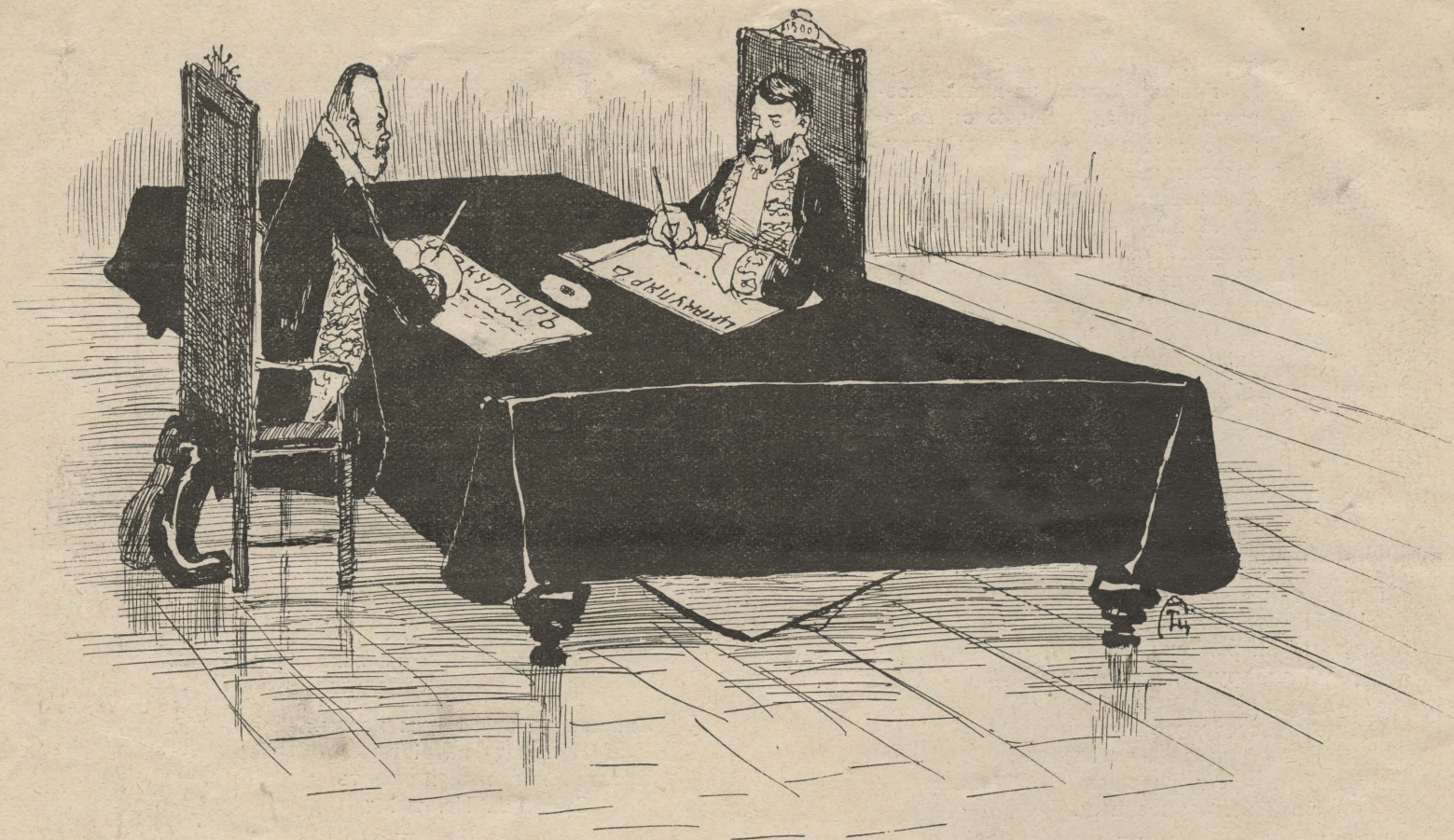
— Зови!

Въ комнату вошелъ безцвѣтный мужчина, въ пальто цвѣта протертаго гороха и таинственно подалъ Павлу Ивановичу конвертъ изъ толстой синей бумаги.

Чичиковъ быстро разорвалъ его и сталъ читать записку на штемпельномъ бланкѣ.

Сганарэль.

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ).



„О, провокаторъ милый!“
Сказалъ старшѣму Витте:
„Для дѣла постарайтесь,
Не будете забыты...“

Будить патриотизмъ
Сумѣемъ мы прекрасно...
Но вамъ бы мѣсто выбрать
Иное... Здѣсь опасно“.

„Мѣстовъ, конечно, много,
Какъ мѣсту-то не быть...
Отсюда все-же лучше
Крамолу изводить...“

Пройдетъ у насъ все гладко!“
Лекоки заявили...
„Но это мѣсто гадко!“
Министры возразили...

„Ничуть не гадко, право,
Напротивъ, превосходно!
Погромы черной сотни
Для всѣхъ вѣдь насъ доходны“.

„Но это мѣсто скверно“,
Министры возражаютъ...
„Но это мѣсто вѣрно“,
Имъ, сыщикъ отвѣчаетъ.

„Довольно!“ сыщикъ молвилъ,
„Намъ дѣло дѣлать надо“.
И вмигъ спасать Россію
Ушли домой два Лада.

Одинъ въ сребристой ткани
И въ мурмолкѣ червленой
Другой въ премьера санѣ
Величаемъ упоенный

А сыщики остались
И дѣло продолжали...
И, просвѣщеніе въ массы
Внѣдря, хохотали...

Не-Буква.



ГАПОНЪ.

Я встрѣтилъ въ рясѣ разъ его
Впередъ толпы онъ смѣло лѣзъ,
Но самъ не сдѣлалъ ничего,
Какъ жалкій трусъ отъ всѣхъ
изчезъ.

Теперь явился онъ опять
И проситъ общаго суда.
Ужели вновь уйдетъ онъ вспять
Чтобъ не вернуться никогда?

S. S.





Въ Государственную Думу.

(ВЪ ДЕРЕВНѢ).

Можно съ увѣренностью сказать, что больше половины обывателей Петербурга не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о деревенской жизни и о томъ, что дѣлается въ любое время года въ нашей соломенной и деревянной деревнѣ. А заглянуть въ жизнь мужика весьма и весьма интересно.

Для примѣра приведемъ нѣсколько деревенскихъ сценокъ.

Въ домѣ старосты:

Зима. Морозъ свыше 20-ти градусовъ. Суббота.

Деревня Голодаевка положительно занесена снѣгомъ. Мелкія, жалкія лачуги съ дырявыми крышами ушли въ глубокіе сугробы снѣга. Полнѣйшая тишина. Только трескъ мороза слышится по временамъ да мычаніе полуголоднаго скота, въ перемежку съ карканьемъ воронъ, крикомъ галокъ и щебетомъ сорокъ, нарушаетъ тишину.

Въ избу деревенскаго старосты (мѣстнаго бюрократа) Агафона Потапыча, вошелъ сѣдой какъ лунь старикъ, крестьянинъ изъ сосѣдней деревушки, — Акимычъ. Снявъ съ головы большую шапку, старикъ перво-на-перво истово перекрестился въ передній уголъ на образа, а затѣмъ сдѣлавъ по русскому обычаю низкій поклонъ хозяйкѣ дома, и снимая съ обмерзлой бороды ледяныя сосульки, спросилъ:—Дома ли хозяинъ-то?

— Дома, дома, садись дѣдка,—отвѣчала хозяйка.— Сей минуту онъ въ печку полѣзъ и скоро выйдетъ от-телева.

— Доброе, доброе, матушка, дѣло, — садясь на деревянную скамью проговорилъ гость.

Читатель, незнакомый съ жизнью мужика, конечно, недоумѣваетъ:—что же это, молъ, значить, что староста въ печку полѣзъ?

А дѣло вотъ въ чемъ: еще въ настоящее время, въ XX-мъ столѣтіи, во многихъ губерніяхъ на Руси не имѣется въ деревняхъ бань и крестьяне моются въ печкѣ, т. е. тамъ же, гдѣ пекутъ хлѣбъ и готовятъ кушанье. Какъ не странно покажется питерскому жителю, а это фактъ.

Объ удобствѣ мытья въ русской печкѣ предоставляется судить читателю.

Мыться въ печкѣ и тѣсно, и грязно, и не рѣдко можно обжечь себя тѣло о горячіе кирпичи, а иногда и облиться горячими щами изъ горшка, по забывчивости хозяйки, оставленнаго въ печи!

Прошло минутъ пять.

— Ну, вотъ и лѣзетъ, сказала хозяйка пришедшему гостю.

Дѣйствительно изъ печи показалась разгибающаяся тучная фигура старосты. Лицо его было черное, какъ у самаго чернаго негра; тѣло было въ грязи и также грязно, какъ душа картежника-игрока, любого изъ петербургскихъ клубовъ-притоновъ. Съ тучной фигуры текли грязные потоки.

Вылѣзшій изъ печи староста Потапычъ, въ костюмѣ

Адама, взявъ ведро съ водой вышелъ во дворъ, чтобы облиться и смыть грязные потоки (это въ порядкѣ вещей, не смотря на большой морозъ) съ своего грѣшнаго тѣла, на открытомъ воздухѣ.

Вернувшись въ избу наскоро одѣлся и, поздоровавшись съ гостемъ, спросилъ жену:

— А гдѣ Петька? (сынишка).

— Скоро придетъ,—отвѣчала хозяйка,—онъ на митькинъ-собраніе пошелъ къ дядѣ Власу.

— Ахъ онъ пострѣленокъ, все по митькинамъ ходить,—проворчалъ староста.

Скоро вернулся Петька.

— Ты што это стервецъ по митькинамъ шляешься, вотъ я тебѣ задамъ.

— Да, тятка, больно занятно тамъ говорятъ, разговоры гораздъ хорошіе, все бы слушалъ,—отвѣчаетъ мальчуганъ.

— Живѣй,—скомандовалъ отецъ,—ѣзжай до казенки, возьми двѣ бутылки, да торопись.

— Гнѣдко не кормленъ,—отвѣчалъ мальчикъ.

— Плевать, послѣ покормишь.

— Ну, ладно,—и мальчуганъ верхомъ уѣхалъ въ казенку.

— Матка, ставь живо самоваръ, да чайкомъ съ гостемъ побалуемся,—сдѣлавъ распоряженіе домохозяйки.

— Ну, какъ живешь, што новаго? — обратился онъ къ пришедшему старику Акимычу.

— Да особливо новаго нѣтъ ничего, только лишь то, што невѣстка въ деревнѣ Чертишевѣ (не устрашайся читатель, есть такая деревня близъ гор. Рыбинска), умерла намерднись, да племяшь, съ самаго Дальняго Востока, съ войны значитъ, безъ руки и безъ ноги, съ Егоріемъ на груди возвернулся, Степка—паршивецъ парнишка, баловавшись съ мальчишками правую ногу сломалъ, у Степана кобыла ожеребилась, попадья наша Юхотская сразу трехъ ребятъ принесла. Дѣдка Вавила со скуки повѣсился, толстопузый купчина Миша Пареновъ продалъ съ торговъ избу Сидорову, мужики гапоновцы порубили лѣсъ у помѣщика Бюрократова, тетка Степанида съ голоду по міру пошла, у дяди Семена жена умерла, телушка подохла, вотъ пока што я помню всѣ наши деревенскія новости.

— Ну у тебя што хорошаго? — спросилъ гость хозяина.

— Да особливаго ничего, а только вотъ собираюсь ѣхать въ Питеръ, вѣдь ты може и слышалъ што я ѣду выборщикомъ въ Государственную Думу, меня намерднись на сходѣ мужики выбрали. Да жутко больно, никто не знаетъ какой толкъ выйдетъ отселева?..

— Ну часъ тебѣ добрый, ѣзжай съ Богомъ.

— Самоваръ скипѣлъ,—сообщила хозяйка.

— Подавай на столъ,—распоряжался хозяинъ.

Началось чаепитіе и пошли разговоры..

(Продолженіе будетъ.)

Дядя Леня. (Ярославецъ).



ТЕЛЕГРАММЫ.

ОДЕССА. Генераломъ Карангозовымъ приняты мѣры для преобразованія всѣхъ газетъ на подобіе журналовъ для дѣтей младшаго возраста.

МОСКВА. По поводу ограбленія общества Взаимнаго Кредита въ Москвѣ предполагается съѣздъ всѣхъ знаменитыхъ лекоковъ всего свѣта.



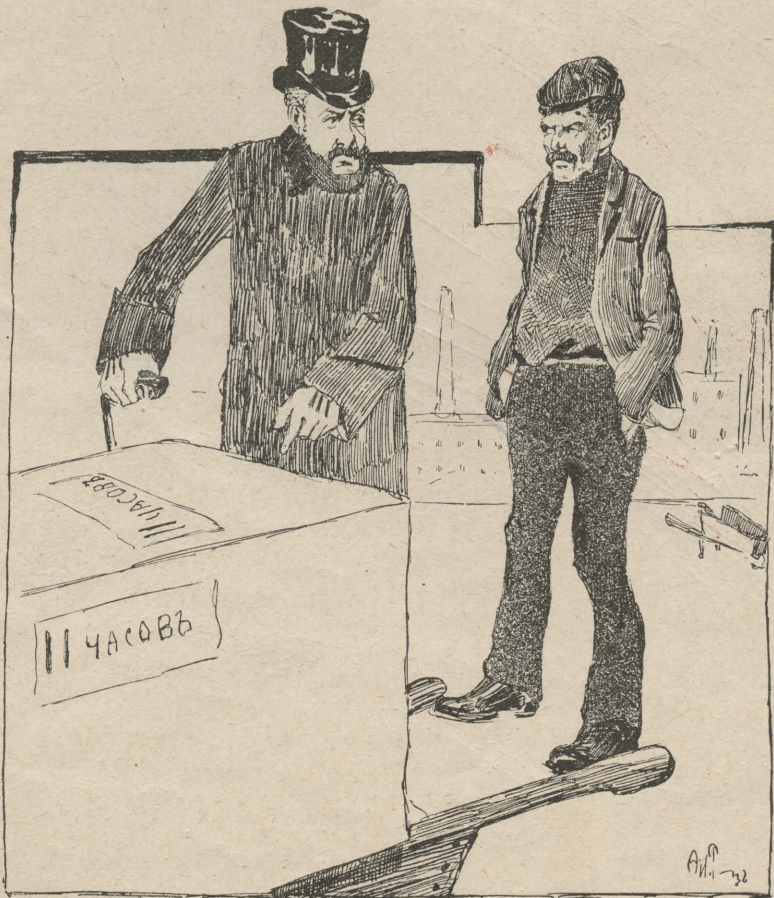
СПОРТЪ.

На послѣднихъ, очень оживленныхъ concours-hipique въ Михайловскомъ манежѣ первый призъ заработала вороная кобыла государственнаго коннозаводства „Матильда“ подѣздомъ охотникомъ г. Овонрудъ.

Въ тотъ-же день подѣздомъ лихимъ абиссинскимъ казакомъ Wosaboud'омъ пала кровная кобыла „Moskou“.

Судьями на состязаніи были представители высшей аристократіи.

Назовемъ au hasard: m-lle Акимову, m-lle Стесель, m-lle Небогатову, графиню Гинсбургъ, муфтія Султанова, о. Георгія Гапона, присяжный повѣренный Марголинъ и др.



Фабрикантъ и рабочій.



Баль.



Редакція.

Литературный и художественный матеріалъ редакція проситъ адресовать на Преображенскую ул., д. 42, кв. 17. Для личныхъ переговоровъ редакторъ принимаетъ по вторникамъ и пятницамъ отъ 12 до 2 ч. Развѣзжая 43, контора типографіи Я. Трей.

Весь присылаемый матеріалъ долженъ быть за подписью автора и съ адресомъ, а также съ обозначеніемъ гонорара, въ противномъ случаѣ статьи считаются бесплатными.

Возвратъ присланныхъ статей необязателенъ.





А. П. у

Редакторъ-Издатель В. Я. Голубятниковъ.

Коммерческая скоропечатня, Лиговская 57.